

Алексей СИМОНОВ:

Отец старался оставаться порядочным в непорядочное время

В эти дни исполнилось бы восемьдесят лет Константину Симонову. Надо ли что-нибудь добавлять к этому имени? Скажем только, что симоновскую "От Москвы до Бреста..." поют на своих вечеринках все журналисты. Об остальном — разговор с его сыном Алексеем Кирилловичем. (Напомним, что писатель грассировал и взял себе псевдоним Константин вместо Кирилла, избегаю звука "р").

— Каким он был отцом, Алексей Кириллович?

— С моей мамой отец развелся, когда мне был год. (Они вместе заканчивали Литинститут, позже она заведовала отделом поэзии в журнале "Москва"). Началась война, до меня ему было, как говорится, довольно далеко. До 43-го года мы вообще не виделись — я жил в эвакуации в Челябинске. Год с 50-го я стал появляться у него на даче в Переделькине, где они жили с Валентиной Васильевной Серовой. А по-настоящему интересоваться мною отец стал, когда я заканчивал школу. При его одобрении я после 10-го класса уехал в экспедицию на полюс холода, хлебнул за полтора года чуть-чуть жизненных реалий, которые очень пригодились в будущем, когда я стал заниматься кинорежиссурой.

Для Маши, дочери Валентины Васильевны, он, конечно,

был более домашним отцом — ведь они с Серовой расстались, когда Маше было пять.

— Там же была какая-то драма...

— Об этом надо либо вообще не говорить, либо говорить отдельно и очень подробно, потому что любая попытка одним словом определить их отношения всегда оскорбительна и всегда лжива. Я могу сказать только, что ничего, кроме добра, от Вали не видел.

— Вы так ее и называли — Вали?

— Да. Видите ли, я тоже через свою биографию это все пропустил — мода жениться на артистках перешла от отца к сыну. Вот и сейчас я женат на замечательной артистке Гале Щепетниковой... Так вот, о Симонове и Серовой. Все вокруг этой тайны бродят, и никто не может сформулировать. Что бы ни говорили, какие бы ни были отно-

Клубные встречи Век. Кисел. -1995, -28.11.95. -С.7

шения между ними в ранние и в поздние времена, она была самой значительной женщиной в его жизни, самой большой любовью — и самой драматической. Если быть точным, то лирическим поэтом сделала его она, потому что давала ему счастье и одновременно причиняла такие страдания, какие, собственно, и делают поэта. Почему так популярно стихотворение "Жди меня..."? Да потому, что это заговор — в смысле неговор, а молитва. Это попытка заговорить будущее, вот же в чем сила этих стихов.

— А вы не задумывались над тем, почему на этот сильный текст получилась такая бездарная песня? Скажем, Сурков, который был на голову ниже Симонова, оставил-таки после себя "Землянку", а Симонову, который в 40-е годы был не только "официальный", но и народный поэт, на песни как-то не везло.

— Вы неправы, когда говорите про бездарную песню "Жди меня...". Просто были бездарные попытки — около ста попыток положить стихотворение на музыку. Утесов, скажем, пел совсем не ту мелодию, что в фильме. А дело как раз в том, о чем я сказал: раз это заговор, то ведь каждый из нас произносит его по-своему. Одни стихи готовы подчиниться мелодии, она в них заложена, другие — нет, они "про себя" всегда будут звучать лучше, чем вслух. Вообще отец был немусыкальный человек. Хотя одну хорошую песню написал: "От Москвы до Бреста..."

— Симонов курил трубку, Эренбург курил трубку... Время, что ли, было не такое торопливое, как сейчас,

или мода пошла от Сталина?

— Эренбург начал курить трубку раньше, чем Сталин стал отцом народов. И Алексей Толстой тоже. Что касается отца, я думаю, это из-за стремления к ранней солидности. А потом выяснилось, что ему трубка очень идет. Он хорошо определял, что ему идет, а что нет. Не случайно у него была такая индивидуальная манера одеваться. Входили в нее и трубка, и кепка — вы когда-нибудь видели фотографии Симонова в шляпе?... Он мог сняться в каком-нибудь дурачком головном уборе — в стетосоне, в рыбацкой зюйдвестке. А со шляпой — единственный снимок: Америка, 46-й год, там он держит шляпу в руке. Такая мягкая, такая американская... Но я ни разу не видел, чтобы он ее надевал.

— По советским меркам Константин Михайлович был очень богат. И, кажется, широк? В "Литературке" до сих пор рассказывают, что в бытность его главным редактором он, сдав номер, водил дежурную смену в "Арагви".

— Он обеспечил себе возможность быть широким и пользоваться ею, как никто другой. Никто не считает, сколько денег он просто раздал.

Он занимался доставанием в Германии очков для какого-то старого писателя, пробиванием квартиры для инвалида войны, изданием "Мастера и Маргариты", проведением выставок Маяковского и Татлина. Отвечал на каждое письмо, кроме абсолютных идиотских... А его цикл "Солдатские мемуары"? А то, что он добивался, чтобы в Подольске был создан архив военных мемуаров, чтобы опрашивали ге-

нералов, маршалов, пока они еще живы? Сейчас выяснилось, почему это не удалось. Оказывалось, ЦК просто принял закрытое решение, что не надо этого, есть единый взгляд на войну, а так он раздробится...

— И такого вхожего человека, как Симонов, не поставили об этом в известность?

— Да, не поставили такого, как вы говорите, "вхожего".

— Константин Михайлович серьезно относился к своему воинскому званию?

— Нет. Хотя считал себя военным писателем, армию очень любил и армейских очень уважал — я долго не мог понять, почему. Потом понял: профессионализм в армии состоит не только в проведении быстрых военных действий, но и в фантастической отдаче своему делу. Когда человек встает в шесть утра и гашет в своем полку до ночи. Это было свойственно и отцу. Потом, армия есть некая схема жизни, в ней что-то упрощено за счет возможности приказать — отношения спрямлены. В какой-то степени отцу это тоже нравилось. Он был склонен пренебрегать нюансами. Не случайно все женщины в его романах похожи, как две капли воды.

— И они очень принадлежат эпохе. Как маленькая докторша: направить на спекулянта пистолет и пойти сапогами по его спекулянтскому сахару...

— Совершенно справедливо. Хотя не лирические, а характерные героини у него другие. Скажем, мама Гурского в "Так называемой личной жизни" списана с моей бабки. Когда эта повесть появилась, я сказал отцу: что-то знакомое. А он: "Так я же с Берты Павловны ее писал..." Или в "Двадцати днях без войны" главная режиссерша эвакуированного театра — по-моему Ангелины Степановой с Серафимой Бирман. Это все из жизни. А вот как дело доходило до лирики, тут у отца был лозунг "Женщина — друг человека. И должна им быть".

— Мне вот что интересно: про Суркова, например, как про секретаря правления Союза писателей вспоминают плохо. А Симонова, за которым тоже на этом поприще числятся неприглядные поступки, как бы и прощают...

— Разница его с другими секретарями была вот в чем: они все делали зло, но наряду с этим он делал и добро. Скажем, когда его посылали в Питер исключать Зошенко, он ехал — обязан был. В то время он еще не обрел достаточной опоры для протеста.

— А был он — этот протест?

— Был. Ведь только из чувства протеста можно было в промежутке между двумя исключениями Зошенко из Союза писателей напечатать его в "Новом мире", чтобы дать ему средства к существованию. Те люди, которые по этому поводу были в гущу тень Симонова, — как-то забывают об этом. Почему позже известные диссиденты по крайней мере не голодали? Потому что окружающие не боялись их кормить, хранить их бумаги. А при Сталине боялись. Но если применять эту мерку времени ко всем, то надо применять ее и к отцу. Отец старался оставаться порядочным человеком. В то непорядочное время это не всегда удавалось. Но он по крайней мере отдавал себе отчет, что делает искренне, а что — ломая себя.

Среди секретарей СП, о которых мы говорим, были талантливые и были бездарные. Талантливые мучились больше. Фадеев был талантливый — итог известен. А Сурков, скажем так, был менее талантливый — "Землянка", "По военной дороге шел в борьбе и тревоге боевой семнадцатый год"... — что еще вы вспомните сейчас из Суркова? Так вот, изначально талантливые люди в секретариате вытеснялись, мягко говоря, служивыми: Марков, Сартаков... Возникла так называемая секретарская литература. Во времена отца это понятие возникнуть не могло. Была литература Леонова, литература Твардовского, Симонова, Фадеева — она имела фамилии и фирменные знаки и не могла иметь общего ярлыка — "секретарская". Печатали Симонова отнюдь не за то, что он занимал пост в правлении.

Но был в его жизни очень тяжелый период — с 48-го по 55-й.

— Простите, но тогда он стал секретарем, редактором, лауреатом...

—...И вдруг обнаружил, что те идеалы, которые его поколение принесло с войны, на самом деле никому не нужны. Иосиф Виссарионович начал смирять это поколение, которое, по его мнению, слишком разболталось на фронте. В Союзе писателей это делалось руками секретарей. В творчестве отец тоже пережил кризис. Написал повесть "Дым отечества" — не Бог весть какую, но очень он ее любил, потому что вложил много личного: там разоренная Смоленщина, от которой он был депутатом... И одновременно — "Чужая тень", искусственная, выращенная в пробирке пьеса, что называется, социальный заказ. И вдруг он получил дикое оплеухи за "Дым отечества" и становится в очередной раз сталинским лауреатом за "Чужую тень".

— А сколько у него всего было Сталинских премий?

— Пять... Плюс в это время ему приходится выступать с докладом по космополитам, плюс Зошенко... Отец мог сломаться. Смерть Сталина его спасла, хотя он долго потом выходил из этого состояния застенчивости на все пуговицы. Он считал, что у него есть некий долг перед страной, перед партией, и долг надо выполнять, как бы мучительно для тебя это ни было. Потом он молчал, и... — "Живые и мертвые". Он вернулся к самому себе: к собственной правде, к собственным дневникам, к собственному ощущению войны. Вот так он спасся.

— Но было и письмо в поддержку ввода войск в Чехословакию в 68-м...

— Недавно в "Известиях" Поляновский, вспоминая то время, сказал приблизительно следующее: все подонки бросились писать письма в поддержку этой акции, в том числе секретариат Союза писателей СССР, который состоял из Симонова, Твардовского, Софронова и так далее... Ну что б тебе поинтересоваться, почему письмо было подписано: "Секретариат..." Почему под ним нет персональных подписей? А дело в том, что Леонов, Симонов и Твардовский отказались подписать это письмо, и, дабы не перечислять фамилии за вычетом этих трех, что стало бы сразу заметно, прибегли к безликой формуле: "Секретариат..."

— А история с письмом Пастернака по поводу "Доктора Живаго"?

— По договору с "Новым ми-

ром" Пастернак написал роман, который взблеснул всю редколлегия. Роман сочли неудачным и вернули автору с очень подробной рецензией — все осознали, что Пастернак великий русский поэт, и отвечать ему нужно аргументированно. Письмо отравили, естественно, лично Пастернаку. А потом, когда начался скандал с выходом романа на Западе, Твардовский опубликовал это письмо-рецензию в "Новом мире".

— Посещал отменялся?

— Да. Но прежде чем судить Твардовского за это, я бы вспомнил, что "Новый мир" был одним из символов "оттепели", что судьба его часто висела на ниточке, что Твардовский как руководитель ощущал ответственность и за журнал, и за будущее своих сотрудников, которых завтра могли разогнать, — что в конце концов и случилось... Так вот, говорят: Симонов гнобил Пастернака. Но Симонов не сделал ничего, что выходило бы за рамки обычной редакционной практики. Отклонили роман... Ну не понравился он им... Права они были или неправы — вопрос отдельный. Я, кстати, думаю, что они подписали злополучное письмо всей коллекцией потому, что каждый в отдельности понимал свою неправоту. Но это было внутреннее редакционное заключение, которое для печати не предназначалось и ничем Пастернаку не грозило, пока его не опубликовали.

— Как вы относитесь к тому, что НДР использует в рекламе симоновскую строку "Если дорог тебе твой дом..."?

— Если бы наследников в свое время спросили, прежде чем использовать эту строку, я бы, например, напомнил им, что стихотворение заканчивается: "Сколько раз увидишь его, столько раз его и убей". Плоховатые аллюзии вызывают как реклама правящей партии, не так ли? Но нас не спросили, а сами не подумали... А другие "поклонники" сдали кабинет Симонова под офис какому-то, кажется, сирийскому фирмачу.

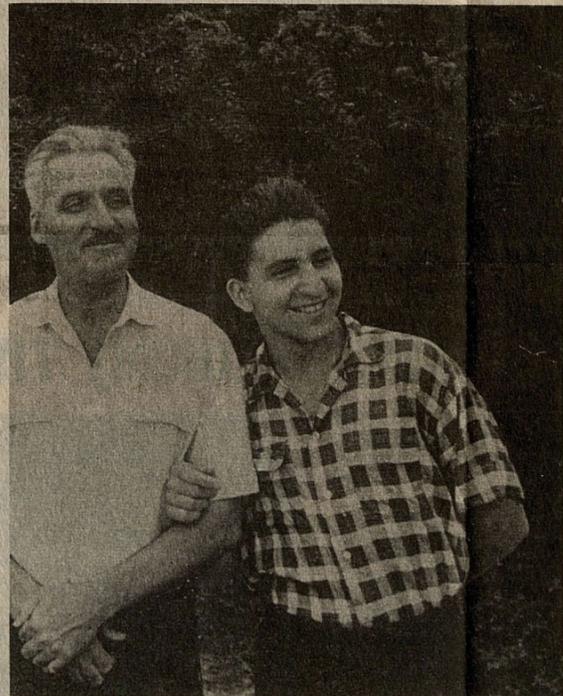
— Это в писательском доме на Черняховского?

— Ну да. В доме номер два, где висит мемориальная доска. Кабинет этот известен тем, что там сняты почти все "Солдатские мемуары", и вообще последние 10 лет работы отца прошли там. Он завещал кабинет ЦГАЛИ — Центральному государственному архиву литературы и искусства. Там огромная библиотека его изданий, советских и зарубежных, кинофильмы, сувениры. Дом кооперативный. И вот кооператив объявил недействительным собственное решение пятнадцатилетней давности о переводе кабинета из жилого фонда в нежилой, и в одну прекрасную ночь вынесли все в подвал. В ЦГАЛИ, правда, говорят, что вынесли не хамски — аккуратно сложили. Уже два года это дело тянется в суде. Отец-то рассчитывал на здравый смысл: думал, в государственном архиве все будет сохранено, чем если бы он завещал кабинет наследникам. А оказалось — нет. Сегодня из принципа хочется восстановить справедливость, но ведь они выгнали оттуда дух Симонова, и даже если вещи расставить по старым местам, как дух-то вернуть?

Встречался Евгений НЕКРАСОВ.

Фото

Александра КОЧЕТОВА и из архива А. СИМОНОВА.

С отцом в Гульриппи. 1955 г.